

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Глава первая КАКИЕ БЫВАЮТ СНЫ

...Бело-желтый горячий воздух пустыни был похож на желе. Остервенелый сухой ветер бросался в лицо горстью песка и улетал дальше. Подол платья безжалостно трепался, то раздуваясь как парус, то облепляя ноги и делая невозможным движение. Я двигалась к неясной точке вдали, указанной проводником. Вначале мы ехали на верблюдах, но качка и постоянные остановки так выматывали, что в какой-то момент я сказала: «Все, хватит!» И сошла со своего копытного транспорта.

Почему я была здесь? Как оказалась в этом песчаном аду? Зачем променяла строгую графику питерских кварталов на это раздолье неопределенных линий и постоянно меняющихся форм? А с другой стороны, что такое я сама, как не бархан, перемещающийся неслышно, незаметно вырастающий там, где прежде была равнина?

...Мысли метнулись к недавним громким событиям. В памяти всплыли и мое появление на заседании Государственного совета в связи с моим назначением на должность инспектрисы женских институтов, и мое выступление с речью, в конце которого разразилась настоящая «песчаная буря» — так задел всех мой тон. Так возмутили мои слова всех этих обрюзгих домо-строителей, не желающих мириться с возросшей ролью женщины в общественной и государственной жизни!

...Ох, как тяжело идти. Губы совсем пересохли, а проводник, сволочь, больше не даст воды! Хруст песка под ногами, белая дымка вдали... И мысль о том, что я наконец-то увижусь с ним!..

* * *

Мелодия будильника резко вторглась в сознание. Почти неконтролируемое движение пальцем — и смартфон умолк. Некоторое время Елена лежала неподвижно. В ушах еще слышалось

завывание ветра, и кожу лица будто покалывали песчинки. Постепенно включались и другие звуки: пение птиц, серебристое дребезжание велосипедов, отдаленные гудки. Сочное итальянское утро вступало в свои права...

Совершая рутинные утренние действия, Елена пыталась ухватить лоскутки своего сна, удивляясь, как такое вообще могло ей присниться. Она никогда не была в пустыне, никогда не выступала в Государственном совете. Питер... Да, Питер был — но давно, и почти забыт.

Элена Маркони, старший научный сотрудник фонда церковнославянских рукописей, надела легкое платье, проверила содержимое сумки, обулась и вышла из квартиры. Она спустилась по лестнице старинного дома, как всегда, любуясь ажурными коваными перилами. В переулке была тень, но судя по пылающим на солнце окнам верхних этажей, на город вскоре обрушится летняя удушающая жара. И тогда — ставни на окнах, кондиционер в комнате и сиеста!

Небольшой итальянский городок Фраскати расположился на склоне горы. В прошлом это был элитный район загородных вилл римской знати и папских чиновников. Ныне — старинный город, с лабиринтом узких кривых улочек, на которых не разъехаться двум машинам, живописный и очень уютный. Со смотровых площадок и с церковных колоколен можно любоваться огромной выжженной солнцем равниной вокруг с маленькими домиками, нарезками овощных полей, оливковых рощ и виноградников. А в отдалении сквозь утреннюю дымку виднелся озаряемый лучами восходящего солнца Вечный город. Там, среди бесчисленных памятников, в самом сердце Рима, на площади Ватикана в окружении колонн, статуй и ароматных садов находится Ватиканская апостольская библиотека — конечная цель утренней поездки нашей героини.

Прогулявшись до стоянки, Елена проветрила машину, уже изрядно нагретую солнцем, и, усевшись внутрь, включила двигатель и кондиционер почти одновременно. Поскольку начало рабочего дня приходилось на жаркое утреннее время, она стремилась добраться до Рима заранее.

К этому времени воспоминание о странном сне улетучилось, оставив лишь легкое беспокойство, которое мы испытываем, столкнувшись с необъяснимым. Течение ее мыслей снова охватывало

ту реальность, в которой она жила. Надо сказать, что эта реальность тоже была похожа на сон. Если бы лет двадцать тому назад студентке исторического факультета Санкт-Петербургского университета кто-нибудь сказал, что она будет жить в Италии, в фешенебельном пригороде Рима, и каждое утро мчать, рассекая ветер, на Alfa Romeo, — конечно, она бы не поверила. Елена усмехнулась: она тогда и представить не могла себя в такой роли и в таких декорациях. Однако сон этот длится уже довольно давно и не собирается заканчиваться.

Элене Маркони было тридцать восемь лет. Привыкшая следить за своей внешностью и за своим здоровьем, она продолжала оставаться привлекательной, тратя на косметические процедуры ненамного больше времени, чем в юности. Елена предпочитала носить легкие платья из натуральных тканей, иногда — джинсы с незамысловатым топом. Высоких каблуков не признавала — спортивная обувь, в крайнем случае, балетки или сандалии. Будучи уверенной в своей неотразимости, она никогда не придавала значения мнению других о своей внешности.

У нее были длинные темно-русые волосы, которые, в зависимости от обстоятельств, собирались в узел сзади или свободно располагались на плечах. Голубые глаза прятались за фотохромными стеклами очков. Это было удобно: на ярком солнце стекла темнели, а когда она входила в помещение, становились прозрачными.

* * *

Спустя полчаса синьора Маркони припарковала машину и пешком прогулялась по прохладным еще улочкам Рима до местечка, где обычно завтракала. Затем, уютно устроившись за столиком в углу кафе-бара, где с нее как с постоянной посетительницы не брали обычную доплату за сидячее место, она начала свой рабочий день. Пока загружался ноутбук, она размешивала ложечкой сахар в кофе и «...*Grazie mille, buona giornata, signore!*»* предназначалось бармену, принесшему заказ — *due cornetti***.

* Большое спасибо, хорошего дня, синьор. — *итал.*

** Два рогалика. — *итал.*

На экране — почтовая страница. Проверка электронной почты — разве можно начать день с чего-то другого? На ее электронный адрес обычно приходит только деловая почта, для родных и друзей — Facebook. А это что такое? Элена раскрыла письмо от незнакомого адресата.

Cara signora Marconi. Не уверен, что вы помните меня. Мы встречались в прошлом году на симпозиуме в Турине, где вы были с вашим мужем, signore Marco Marconi... Ваше сообщение о русских находках в Риме тогда произвело большое впечатление на всех нас. Возможно, вы уже не занимаетесь этой темой, но все же мне хотелось поделиться с вами моей русской находкой. На следующей неделе я планирую быть в Риме. Мы могли бы встретиться, и я покажу вам этот дневник.*

С уважением, P. Raspono

Элена перечитала письмо несколько раз. Посчитала в уме, сколько они с мужем не живут вместе — около года. Да, их разрыв произошел почти сразу после этого злосчастного Туринского симпозиума. Вот только никакого P. Raspono она не помнила. Не поленилась, подняла архив своей почты, нашла рассылку годичной давности. Несколько раз прошлась по списку участников симпозиума. Наконец, обнаружила это имя в группе венецианских исследователей. Тема их коллективного доклада касалась исследований русских захоронений на острове Сан-Микеле. Смутно припомнила, что речь шла об обнаружении могилы члена русской императорской семьи. И что такая находка существенно меняла представление об этом кладбище, до того известном только как последнее пристанище великих русских — Игоря Стравинского, Сергея Дягилева и Иосифа Бродского. Но в общем, тема не была близка Элене, а к тому же в тот период она сильно переживала из-за начавшегося разлада с мужем. Короче, никакого P. Raspono она из своей памяти выудить так и не смогла.

Уважаемый синьор Распоно. Была рада получить ваше письмо. Конечно, меня продолжают интересовать материалы и документы, связанные с Россией, моей родиной. Я буду рада

* Дорогая синьора Маркони. — итал.

*встретиться с вами. Позвоните мне по телефону ***, когда будете в Риме.*

С уважением, Е. Marconi

Отослав письмо, Елена погрузилась в редактирование нового куска текста, который ей прислал коллега из Пизы.

Научный семинар в Ватиканской апостольской библиотеке, на котором синьора Маркони выступала с докладом, затянулся далеко за полдень. Потом надо было заскочить в институт. В ее кабинете было прохладно. Она решила закончить редакторскую правку здесь и заодно переждать жару. На столе, как всегда, были разложены документы, ожидающие описи. Ее внимание привлек сверток из пожелтевшей бумаги. Надев специальные перчатки, Елена открыла пакет. Внутри были письма, адресованные в Ватикан, автором которых был... российский император Александр Второй. Письма были на французском языке.

Забыв о своей работе, Елена погрузилась в чтение. Письма приятно поразили ее живым литературным языком, нестандартным взглядом на европейскую политику того времени. В них содержались предложения российской стороны, касающиеся сотрудничества с Ватиканом и сближения христианских церквей.

* * *

Домой Елена вернулась уже под вечер, посидела в любимом кресле с чашкой чая. Дневная суета ушла из мыслей, зато отчетливо вспомнился недавний сон. Она снова ощутила, как песок забивается в складки одежды, как сбивает дыхание горячий ветер. Но главное — это была как будто не она, а другая женщина. И происходило все это, как минимум, лет сто назад. Не давали покоя и мысли о пустыне — что это было за место?

Еще одна странность этого дня — письмо из Венеции от Распоно. Что это за русский дневник? Возможно, придется ехать в Петербург, копаться в архивах. А может быть, просто отказаться и забыть о нем?

Вообще все было непонятно и с этим сном, и с этим письмом, и с этим Распоно! Непонятно и немного тревожно...

Из задумчивости ее вывел телефонный звонок. Нахмурившись, Елена посмотрела на экран смартфона и тут же радостно улыбнулась.

— Да, доченька, здравствуй, дорогая!

— Привет, мам! Как ты там? Жарко у вас?

— Ну так, ничего. Как обычно. Как у тебя дела? Как бабушка?

Наталья Царева была итогом студенческого романа. С ее отцом, своим сокурсником, Елена почти сразу рассталась. Дочку помогали растить родители Элены: отец — профессор экономического факультета СПбГУ и мама — доцент кафедры восточных языков филологического факультета. Обстановка в доме была соответствующая: увлеченные наукой родители не всегда помнили про регулярное питание и чистые полотенца. Зато было страшно интересно! Преподаватели факультета, где училась Елена, говорили, что ее блистательные исследовательские навыки и научная хватка — это результат не столько обучения, сколько обитания с детства в этой научно-творческой среде. Не избежала этого и ее дочь Наташа. Она окончила школу с золотой медалью, неоднократно была победительницей городских и всероссийских олимпиад. Да, семья Царевых задавала высокую планку!

— Нормально. А как дела у Марко?

— Он работает в очень интересном научном проекте.

— Вы не общаетесь?

— Нет, почему же! Мы переписываемся!

— Мы с тобой тоже. Но это же не то!

— Ты знаешь, Наташенька, я давно уже пережила наш разрыв и успокоилась. Теперь мне хорошо. Я спокойна и начинаю радоваться жизни. Нет, правда, у меня действительно все хорошо. Расскажи о себе!

— Ну, я учусь потихоньку. У нас в Дрездене не так жарко, но народ гуляет и загорает всюю!

— А когда у тебя заканчивается семестр?

— Думаю, еще пара недель, и я все сдам. Вот собираемся с девчонками на каникулах совершить путешествие по Рейну.

— Отлично! А как бабушка?

— Бабушка — прекрасно! Освоила немецкий быстрее, чем я! Теперь ведет долгие беседы с кассирами в супермаркете. Исправляет их речевые ошибки!

— Даже не сомневаюсь! Как она себя чувствует?

— Слава Богу, теперь все хорошо. Она передает тебе привет!..
Ну все, мамочка, пока! Я побежала на лекцию!

Наташа жила и училась в Дрездене. После смерти мужа к ней переехала бабушка — Людмила Владимировна Царева. Элена звала маму к себе, но та отказалась из-за слишком жаркого климата. Вот так получилось, что в Петербурге не осталось никого, к кому Элена могла бы приехать.

Глава вторая

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. НОЯБРЬ 1871 ГОДА

Крупные снежные хлопья ложились на мостовую, в считанные минуты превращая осень в зиму. Прохожие ежились от промозглого ветра, пробиравшего до костей. Мокрый снег налипал на одежду, образуя ледяную корку. С утра снега не было, поэтому на городские дороги выехали обычные экипажи на колесах. И теперь транспорт на петербургских улицах то и дело застревал в сугробах.

День был темный. Читать можно было только придвинувшись к самому окну, что и сделала Елизавета. Она жадно поглощала только что вышедший из печати ноябрьский выпуск «Русского вестника», где были опубликованы очередные главы нового романа Достоевского. Подняв глаза от журнала, она посмотрела на черную ленту реки. Крупные снежинки вились над ней, но безнадежно таяли, подлетая к воде. Нет, зима еще не скоро. Этот снег растает к вечеру, если не раньше. Она любила зимнюю белую тишь. Каналы и реки в городе становились тогда неотличимыми от мостовых. Только чугунная решетка, как черное кружево, строго расчерчивала белое пространство. Снег заглушал все звуки и давал душе больше покоя.

Но это будет позднее. А сейчас стук проезжающих карет все еще слышен. Вот — очередная прогрохотала и остановилась под окнами. Лиза прислушалась к звукам внизу: похоже, пришел кто-то важный к тетушке. Она снова нырнула в роман.

Карета с налипшим на колеса снегом остановилась возле подъезда дома на набережной Фонтанки. Из кареты вышел адмирал, второй сын императора Николая, младший брат ныне царствующего императора Александра Второго, великий князь Константин Николаевич. Лакей тут же распахнул перед ним дверь.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Лизу позвали. Нехотя оторвалась она от захватывающей сцены, глянула на себя в зеркало, пригладила выбившийся локон. Из зеркала на нее смотрела миловидная девушка со светло-русой косой, высоким лбом и с серьезным взглядом серо-голубых глаз. Платье было

слишком домашним, но переодеться ей не хотелось. Накинув на плечи белый оренбургский платок, девушка поспешила вниз.

Войдя в гостиную, она увидела свою тетушку, графиню Екатерину Юрьевну Комаровскую, и ее гостя, сидевшего у печки спиной ко входу.

— А вот и Лиза! Входи, дорогая! Вот, князь, позвольте рекомендовать вам мою дорогую племянницу!

Тетушка была в темно-коричневом платье с неизменным медальоном на груди, с портретом ее покойного мужа. Ее светло-русые с проседью волосы были завиты и уложены в сложную прическу, как будто она собиралась выйти в свет.

Гость, одетый в темный мундир с золотыми эполетами, поднялся, и прежде чем он повернулся, Лиза уже узнала его. Ох, именно его Лиза меньше всего ожидала увидеть здесь! Точнее, она очень надеялась, что пребывание в доме графини не станет ему известным. Да, недолго она радовалась своему убежищу! Как он ее обнаружил — это большой вопрос. Но сейчас нужно было что-то говорить и что-то из себя изображать.

Прежде всего, Лиза сделала самый изящный реверанс, на который была способна, и села на диван. К ней присоединилась тетушка.

— Добрый день, ваше высочество.

— Здравствуйте, сударыня Елизавета Александровна! Какживаете?

— Благодарю вас, князь, очень хорошо.

— Сегодня холодно, неправда ли, — поддержала разговор графиня. — Зима пришла к нам раньше времени!

— Да, рановато!

— Вы, я видела, прибыли на колесах, а не на полозьях, — продолжила Екатерина Юрьевна, неодобрительно поглядывая на молчащую Лизу.

— Да, я с утра в разъездах. Снега не было, и кучер подал мне обычную коляску. И вот теперь на моих колесах снег со всех петербургских мостовых.

Лиза улыбнулась. Заметив это, князь продолжил:

— А вы, сударыня, выезжали сегодня?

— Нет. Я люблюсь снегом в окошко.

— Вы весь день смотрите в окошко?

— Ну почему же! Я читаю.

— А что читаете, если не секрет?

Лиза помедлила. Рассказывать про Достоевского или нет? Батюшка не советовал ей распространяться в свете на эти темы. Но сейчас хотелось поозорничать.

— Журнал «Русский вестник».

— Хм! Странное чтение для молодой девушки. И что вас там так привлекает?

— Новый роман. Он называется «Бесы», — Лиза смотрела князю прямо в глаза.

— Ну и ну! Вот ведь название! — посетовала графиня.

— А кто автор?

— Федор Достоевский.

Князь подался вперед.

— А вам известно, что он сидел в тюрьме? Что он политически неблагонадежен?

Лиза пожала плечами. Не получив ответа, князь задумчиво продолжил:

— Как ваш батюшка допускает, что вы это читаете?

— О да, эти ужасные люди! Каторга по ним плачет! — вступила в разговор графиня.

— Достоевский — гениальный писатель! — возразила Лиза.

— Вы считаете? — язвительно спросил Константин.

— Да! — горячо воскликнула Лиза, потом взяла себя в руки. — По крайней мере, он — один из лучших современных писателей. Его герои так... страдают, испытываешь к ним такое сочувствие... От его романа трудно оторваться.

— Ну что ж, мне трудно об этом судить, — Константин действительно чувствовал себя не совсем уверенно в разговорах о литературе и поспешил сменить тему. — А скажите, сударыня, намерены ли вы появиться завтра на балу у губернатора?

Лиза закусила губу. С недавнего времени она ненавидела балы. С одной стороны, сердце билось в ожидании встречи с любимым — увы, тщетно, а с другой — его тяжеловесный отец преследовал ее своим вниманием. Хоть бы он сломал ногу, прости Господи!

— Я... еще не знаю.

— Ну конечно же, она будет на балу! Я поговорю с ее батюшкой! Это не дело, когда молодая девушка отсиживается дома с сомнительным чтением, вместо того чтобы развлекаться и радовать публику своей красотой! — резюмировала графиня.

— Всецело согласен с вами, графиня! И очень надеюсь увидеть Елизавету Александровну завтра.

Лиза вздохнула. Вся хорошо продуманная тактика избавления от высочайшего внимания оказалась напрасной. Родители надеялись, что великий князь перестанет ею интересоваться, если Лиза на какое-то время исчезнет. Не тут-то было! И как же он ее нашел?

— Ваше высочество, позвольте вопрос?

— О да, конечно, дорогая, спрашивайте!

— Вы предполагали, что найдете меня здесь?

— Что вы, Лизонька, я знал это!

— А откуда у вас такие сведения?

— Ну, — князь усмехнулся, — Я предпочитаю не выдавать своих агентов. Так до встречи завтра вечером!

— Скажите, Константин Николаевич, — с замиранием сердца спросила Лиза, — а великий князь Николай тоже будет завтра на балу?

— А и правда, — подхватила графиня, — слышала я, что сыночек-то ваш в родной дом вернулся. Значит, точно будет, и как ему не быть на балу у губернатора!

— Вас все еще интересуется Никола? — князь повернулся к Лизе. — У этого молодого человека только ветер в голове! Не доверяйте ему, — в словах и в его тоне ей послышалась угроза. — И вообще, позвольте дать вам совет. Молодость легкомысленна и несерьезна. У них сегодня одна страсть, завтра — другая. Молодая девушка больше приобретет для себя, обратив внимание на зрелого мужчину, который знает толк в красоте и который способен окружить свою избранницу такой заботой и роскошью, какой она достойна!

Пристальный взгляд князя заставил ее покраснеть. Ей стало нехорошо, по спине прошел холодок, ладошки вспотели.

Глава третья

СТРАННЫЙ РАЗГОВОР

Окна кабинета старшего хранителя отдела церковнославянских рукописей библиотеки Папского Восточного Института (*Il Pontificio Istituto Orientale*) выходят во внутренний двор. С ранней весны до поздней осени в середине дня прямые лучи солнца в течение получаса танцуют в кабинете. Все остальное время здесь тень. Поэтому немного сыровато. Приходит старший хранитель рано: уже в начале девятого утра окна в кабинете открываются, выпуская застоявшийся за ночь воздух. Рабочий стол синьоры Маркони обычно с утра завален всевозможной документацией, распечатанными материалами, научными планами. Поэтому она прежде всего разбирает все то, что накидали за вчерашний день. Потом проверяет служебную почту и отправляет письма. Деловые сообщения, адресованные лично ей, она, как мы уже знаем, проматривает за завтраком в баре.

Старший хранитель отвечает за состояние всех помещений, в которых хранятся библиотечные фонды. Поэтому синьора Маркони ежедневно лично заглядывает во все разделы библиотеки, а заодно и общается с сотрудниками. Два раза в неделю в просторном читальном зале проводятся практические занятия для студентов института. Иногда по специальному поручению ректората старший хранитель проводит экскурсию для высокопоставленных иностранных гостей. Кроме русского и итальянского Елена владеет еще чешским, немецким и французским.

Около двенадцати часов, если в этот день нет занятий для студентов — неизменный корпоративный кофе в маленьком баре на соседней улице. Во время этих посиделок решается большая часть служебных вопросов, не решенных с утра. После этого синьора Маркони проводит в Институте еще час или два и отправляется домой.

В тот день Елена закончила занятия со студентами позднее обычного. С большой стопкой учебных материалов в руках она пошла к двери своего кабинета и увидела странного посетителя.

По виду итальянец, яркий южанин, он обратился к ней по-русски. Уехав из России до начала глобализации, она совсем не представляла себе, как выглядят выходцы с южных окраин России.

— Синьора...

— Да, слушаю вас.

— У меня к вам конфиденциальное дело.

— Давайте начнем с того, что вы представитесь.

— О, прошу прощения, Джулио Стричелло, лингвист, — собеседник протянул визитную карточку. Елена с сомнением посмотрела на него, он походил скорее на подручного мафии, чем на дипломированного специалиста.

— Слушаю вас.

— Мы можем поговорить в вашем кабинете?

Что-то в облике незнакомца не понравилось Элене. В кабинет как раз принесли новые рукописи православной певческой школы XV века — крюковое письмо. Завтра нужно было их определить какому-нибудь сотруднику для описи и внедрения в хранилище. Честно говоря, Маркони сама хотела разобрать их. Она увлекалась древнерусским знаменным пением. В общем, посетитель в кабинете был совершенно излишним.

— Нет, в кабинет пригласить вас не могу.

— Тогда давайте спустимся в бар. Я много времени у вас не займу.

— Думаю, это излишне. Мы можем поговорить в фойе перед читальным залом. Я подойду туда через минуту.

Синьор Стричелло пристально посмотрел на нее очень нехорошим взглядом. Потом отчеканил:

— Я буду ждать вас в баре напротив.

Пожав плечами, старший хранитель скрылась в кабинете со своей ношей.

* * *

Десять минут спустя она входила в маленькое подвальное помещение, где пекли самые вкусные *cornetti* в округе. Стричелло ждал ее у барной стойки. Спустя несколько минут, они устроились за столиком, взяв по чашке *espresso*. Странный молодой человек отпил глоток, поставил чашку на стол и произнес:

— Речь пойдет о переписке императора Александра Второго.

Синьора Маркони нахмурилась. Она вспомнила тот пожелтевший сверток и письма на французском языке. Елена сама проводила опись и скопировала текст этих писем.

— Интересно, откуда у вас такая информация? И как вы попали в служебные помещения?

— Я выполняю поручение папского кабинета. Некоторое время назад в вашу библиотеку поступили три письма, написанные русским царем и адресованные папскому кабинету и лично папе.

— Это верно. Письма очень интересны с точки зрения идей царя Александра, его стремления укрепить дружеские отношения с католической церковью.

— Да, но у нас есть информация, что инициатором написания этих писем был его брат Константин.

— И что это меняет? Александр подписал эти письма.

— Исторические свидетельства говорят о соперничестве и скрытом конфликте между братьями. Константин вел свою игру. Его значение в европейской политике девятнадцатого века несправедливо замалчивается.

— Это очень интересно, но ваши слова требуют доказательств. Необходимо провести тщательное исследование.

— Вот именно. Нужно, чтобы вы сделали полный анализ этих писем и представили работу в папский кабинет к понедельнику.

— Не поняла, — старший хранитель церковнославянских рукописей уставилась на него и даже не нашлась, что ответить.

— Его святейшество, — безмятежно продолжил Стричелло, — хочет процитировать письма русского царя в очерке русско-римских отношений XIX века. Этот опус ляжет в основу его речи на встрече с российским президентом в сентябре.

— Опять-таки, отказываюсь понимать, — Елена лучезарно улыбнулась. — Такая работа требует значительного времени. Я не смогла бы, даже если бы захотела, закончить исследование к понедельнику. И если бы его святейшеству понадобились мои услуги, он обратился бы ко мне через кого-то из своих секретарей.

— Я недавно в должности секретаря. Вас не успели уведомить.

— Уважаемый синьор...

— Стричелло.

— Боюсь, что не смогу быть вам полезной, — она с трудом скрывала раздражение. — Я не возьмусь за такую работу в столь

краткие сроки. А кроме того, сейчас письма проходят инвентаризацию в фондах. Я не имею возможности их оттуда взять. А тем более, столь быстро проанализировать.

С этими словами Елена поднялась, доставая из сумки смартфон.

— Поймите, этот опус должен срочно оказаться на столе у его святейшества. Он будет недоволен тем, что вы не выполняете его указания.

— Синьор, думаю, что разговор окончен. Вы зря теряете время, — Елена двинулась к выходу, на ходу набирая номер охраны.

— Скажите, вы пропускали некоего Стричелло во внутренние помещения?.. Да?.. Распоряжение папского кабинета? Странно!

— Синьора, я вижу, вы мне не доверяете! — услышала она за спиной. — Я распоряджусь, чтобы вы получили официальное предписание из Ватикана. И вам придется выполнить эту работу. Увидимся!

— Как угодно! — синьора Маркони махнула рукой и поспешила на выход.

Ее очень взволновала эта встреча. Уж очень криминальный вид был у этого Стричелло. А еще вспомнился рассказ Марко о том, что в одном из миланских музеев были похищены какие-то документы и там тоже был замечен бандитского вида южанин.

Елена Маркони вернулась в институт. Сидя за столом среди вороха неразобранных бумаг, она старалась справиться с тревогой. Ей хотелось позвонить Марко, но она долго не могла решиться набрать его номер.

Быть брошенной женой нелегко. От привычки звонить и обсуждать с ним каждую мелочь она отвыкала довольно долго. Постепенно усвоила, что если она хочет общаться с Марко, то должна вычеркнуть из памяти их общее прошлое. Перестать быть его «бывшей». Она должна стать настоящей и непредсказуемой! Начиная разговор, постаралась придать голосу побольше бодрости. Меньше всего она хотела, чтобы он подумал, что она нуждается в нем.

Маневр удался. Они неплохо пообщались. И Марко, надо отдать ему должное, сразу включился в проблему:

— Тебе нужно связаться с тем парнем из папского кабинета, помнишь?

— Который помогал мне устроиться на работу?

— Да.

— Ну, и что я ему скажу?

— Проверь ту информацию, что тебе сообщил этот Стричелло.

— Про Стричелло спросить?

— Да нет, узнай, действительно ли его святейшество интересуют эти документы. Но главное, в этих письмах что-то есть! Что-то такое, что не бросилось тебе в глаза. Знаешь, я советую тебе все-таки заняться их изучением. Исследуй не только текст, но и бумагу, почерк, пометки. Все детали! И пришли мне сканы. И твою расшифровку.

— Спасибо, Марко!

— Не за что!

Поговорив с бывшим мужем, она немного успокоилась. Пора двигаться домой. Сложив в стопку бумаги, с которыми не успела разобраться, она вышла и заперла кабинет.

Элена хотела прогуляться по центру. Было четыре часа пополудни. Но жара еще зашкаливала, хотя уже приближалось время вечерней прохлады. Подумав, что лучше вернуться домой и пройти по Фраскати ближе к вечеру, синьора Маркони решительно направилась к своей машине.

* * *

Рим. Вечный город. Перекресток всех дорог. Элена с трудом привыкала к этому высокомерному, немного неряшливому городу. От постоянного присутствия развалин было немного не по себе.

Один из символов города — прекрасный величественный Колизей, мраморные плиты которого горожане еще в средневековье растащили на облицовку своих домов. Напротив Колизея туристам на обозрение предлагаются аккуратно сложенные обломки Римского форума. А на склоне Капитолийского холма — сверкающая на солнце помпезная колоннада памятника королю Виктору-Эммануилу II (Витториано). Этот памятник-здание своим нагромождением статуй, колонн и барельефов призван напоминать о том Риме, каким он был в эпоху античности, когда здания Римского форума и Колизея были облицованы белым мрамором. Проезжая по площади Венеции, Элена усмехнулась, вспомнив прозвище, которым язвительные римляне наградили Витториано — «вставная челюсть».

Alfa Romeo постояла в небольшой пробке и наконец въехала на улицу Корсо. Кстати, несколько лет назад, впервые оказавшись на этой улице, Маркони была очень удивлена. Ведь читая в детстве описание римского карнавала в романе Дюма «Граф Монте-Кристо», Елена представляла себе широкий просторный проспект, похожий на Елисейские поля, ну или хотя бы на Невский. А оказалось, это узенькая улочка с однополосным движением в каждую сторону. Проезжая мимо Квиринальского дворца, Елена кинула взгляд на фонтан Диоскуров. Ирония судьбы: когда-то она работала в Российском институте истории искусств на Исаакиевской площади и часто проходила мимо здания Конногвардейского манежа, на портике которого установлены уменьшенные копии римских Кастора и Поллукса. И вот теперь — в другом городе, в другой стране — они снова приветствуют ее по пути с работы!

Пока Маркони выезжала из Рима, мысли были заняты дорогой. Очувтившись на пригородной трассе, она смогла немного расслабиться. Мыслями снова вернулась к Марко.

Да, как-то не так у них все получилось. Первая встреча, влюбленность — столько надежд! Она вспомнила, как они первый раз ездили вместе на море. Жили в небольшом отеле прямо на берегу. Это было как в сказке! Тут вползло непонятно откуда воспоминание: каждое утро на террасу ресторана приходил очень старый человек. Он долго шел, опираясь на палку. Потом садился за один и тот же столик, и ему приносили эспрессо. Он долго сидел, глядя на море. Потом уходил, чтобы на следующее утро прийти снова.

А еще они проехали на машине по всей Италии. Елена тогда очень удивлялась: куда бы они ни приезжали, все их знали и радостно приветствовали. Марко заговаривал с первым же встречным как со старым приятелем. Она еще не очень хорошо понимала язык, и эмоциональный разговор совершенно посторонних итальянцев воспринимала как общение добрых друзей.

Десять лет она прожила с Марко. Десять лет разрывалась между мужем и дочерью, которая осталась в России. Нет, она уже не страдала. Она была благодарна Марко за то, что он круто изменил ее жизнь. После развода он позаботился о ней — квартира, машина. В конце концов, и эту работу она получила благодаря Марко.

Глава четвертая

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ИНСТИТУТ

Августейший гость откланялся. Лиза, предвидя вопросы тетушки, попыталась потихоньку ускользнуть к себе.

— Лизонька, дитя мое, не торопись, — по голосу графини было件нятно, что разговор будет долгим.

— Да, тетушка, — с милой улыбкой произнесла девушка, пряча досаду.

Графиня Екатерина Юрьевна Комаровская приходилась Лизе двоюродной тетушкой. Она была кузиной ее матери, Марии Ипатьевны и благодаря замужеству стала частью аристократического общества Петербурга. Она весьма ценила свое положение и общалась с родственниками несколько надменно. Но к Лизе, своей племяннице, благоволила.

— Я так поняла, что встречи именно с этим господином ты хотела избежать. Поэтому матушка отправила тебя ко мне погостить. Она тебя прятала? — Маленькие колючие глазки цепким взглядом уставились на нее.

Девушка вздохнула. По опыту знала, что если тетушка «взяла след», ее уже не остановишь. Придется все рассказывать.

— Я не знала, что матушка меня прятала. Я думала...

— Лиза! Не умеешь ты врать! Садись, — в голосе графини появились стальные нотки. — Рассказывай. Все рассказывай, со всеми подробностями!

— Что рассказывать?

— Все! Прежде всего, как ты умудрилась стать предметом внимания столь высокопоставленной особы, — графиня уже усаживалась поудобнее в своем кресле. — А я уж подумаю, чем тебе помочь.

— О, тетушка! — Лиза бросилась к ней.

— А, брось! — графиня махнула рукой. — Было бы лучше, если бы я сразу все узнала. А то вот сидела тут, дура старая, и не понимала, о чем речь. Все! Садись! Слушаю.

— Я даже не знаю, с чего начать, — Лиза замялась, но увидев нетерпеливый жест тетушки, продолжила. — Наверное, с институтского бала...

* * *

Здание Екатерининского института благородных девиц располагалось на Фонтанке, возле Аничкова моста. Большое трехэтажное строение в стиле классицизма с колоннадой над центральным входом впечатляло своей монументальностью. Институт имел еще одно название — Училище ордена Святой Екатерины. Не столь престижный и знаменитый, как Смольный институт благородных девиц, Екатерининский тем не менее имел славные традиции и гордился своими выпускницами. В стенах этого учебного заведения еще совсем недавно проходила жизнь Елизаветы Александровны Лазаревой, единственной дочери коллежского советника Александра Васильевича Лазарева и его супруги Марии Ипатьевны, урожденной Лукиной.

24 ноября 1870 года занятия в институте начались как обычно. Но настроение у всех было праздничное. Ведь сегодня — именины начальницы института. В честь этого события по сложившейся уже традиции устраивался бал. В гости к воспитанницам приглашались молодые люди из какого-нибудь учебного заведения. Это могли быть воспитанники Пажеского корпуса или курсанты элитных военных учебных заведений. Все держалось в секрете, и порой девочки до последнего момента не знали, с кем им доведется танцевать вечером.

На первом же занятии классная дама, недавняя выпускница института, весело обратилась к ученицам:

— Ну что, девочки, вы готовы к сегодняшнему балу? Наряды выбраны? Танцы разучены?

Все оживленно загудели.

— Ну тихо-тихо. Мы продолжаем урок. Боюсь только, что вам не терпится узнать, с кем вы будете танцевать.

Ульяна Семенова, имевшая славу самой смелой в разговорах с учителями, подала голос:

— О да, Анастасия Владимировна, скажите, ну пожалуйста скажите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru